Виктор Алеветдинов

Все хотят жрать

Книга 1

Сначала заплати

Юмористическое фэнтези

Виктор Алеветдинов

Сначала заплати

«Автор»
2026

Алеветдинов В.

Сначала заплати / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Сначала заплати. Потом будет горячо.Повар Тимофей Крупин имел в виду обед. Он только открыл кафе у трассы, когда Ли Мэй привезла старый половник — и из подсобки потянуло чужой кухней. Теперь суп греет с помощью магии, Система выдаёт навыки, а наглый кот разговаривает и ест за счёт заведения.Заказы идут из двух миров, а счета за продукты приходят в рублях. Гости платят серебром, которое не принимают в соседнем магазине. Зато желающих заработать на чудо-обедах хватает: повар ещё не согласился, а его еду уже кому-то обещали.Между сменами Тимофей надеется побыть с Ли Мэй. Хотя бы один вечер без чужих тарелок между ними. Но сперва нужно накормить гостей по обе стороны двери — и не позволить любителям поесть за чужой счёт сожрать дело его жизни.

© Алеветдинов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Глава 1. Своя вывеска 6
Глава 2. Двадцать четыре места 10
Глава 3. Входит в комплект 14
Глава 4. Старый половник 17
Глава 5. Не указано на коробке 21
Глава 6. Дверь на двадцать минут 25
Глава 7. Кот в накладной 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Виктор Алеветдинов
Сначала заплати

Предисловие

В придорожном кафе всегда найдётся посетитель, которому очень некогда. Он долго изучает меню, расспрашивает про каждое блюдо, а потом берёт суп. Повар успевает накормить за это время ещё троих и отрезать себе хлеба. Хлеб остаётся лежать: кто-то попросил добавки.

С необычными гостями тоже надо как-то работать. Домовой может прийти со своей посудой. Говорящий кот — без денег, зато с замечаниями к обслуживанию. Напоминания о предыдущем обеде кот пропускает мимо ушей.

Тимофею Крупину нравится, когда люди придвигают к себе горячую тарелку и убирают телефон. Ему хочется, чтобы в его кафе «У Котла» возвращались. Ради этого он готов рано вставать, возиться со старой плитой и терпеть гостей, у которых «только один небольшой вопрос».

Ещё Тимофею хотелось бы иногда спокойно поужинать. Поставить две тарелки, заварить чай и поговорить с женщиной, которая ему нравится. Он даже готов заранее закончить все дела.

Из зала тем временем спрашивают, можно ли заказать.

Тимофей откладывает свой хлеб и достаёт ещё одну тарелку.

Глава 1. Своя вывеска

С нижней ступеньки вывеска казалась ровной. Со стоянки правый край заметно уходил вверх.

Тимофей переставил стремянку и ещё раз посмотрел на буквы «У Котла». Сейчас ослабить саморез, опустить угол. Минут пять.

На телефоне было семь утра. Из темноты за съездом тянулся шум М7. Тимофей потёр ладони и поднялся на вторую ступеньку.

— Тима! — позвала из кухни Галина. — Хлеб у задней двери. Открой, ключ у тебя.

Он оставил шуруповёрт на стремянке и обошёл здание. Водитель хлебного фургона ждал под водостоком, прижимая к боку ящик. Тимофей отпер дверь и показал на низкий столик: оба ящика должны были поместиться под ним.

Пока водитель приносил второй, Тимофей расписался в накладной. Потом шагнул к мойке и упёрся коленом в верхний ящик. Тот выступал из-под столика на добрую ладонь. Ручка зацепилась за фартук.

Галина предложила придвинуть стол к стене. Тимофей потянул его, но ножка стукнула в трубу, а край столешницы перегородил доступ к холодильнику. Он вернул всё обратно. С пустыми руками здесь ещё можно было протиснуться. С полной кастрюлей пришлось бы пятиться до самой двери.

Тимофей перенёс хлеб к сухой кладовой, на решётчатую подставку, и прошёл освободившимся проходом, придерживая фартук.

Галина забрала накладную. Тимофей вымыл руки и подвернул рукав, открыв старый ожог на правом предплечье. Из холодильной комнаты достал кастрюлю со сваренным накануне бульоном и поставил на плиту, рядом с водой для каши. Вытяжка загудела. Галина устроилась с хлебом у свободного края стола; под ножом негромко хрустела корка.

Через десять минут перед ним появился лист меню.

— Давай всё-таки добавим завтраки. Строчкой. Напишем от руки.

— Там каша есть.

— Я про нормальный завтрак. Яичницу, например.

Он забрал у неё ручку и сунул в карман фартука.

— Сначала приготовлю, потом напишем.

— Мы открываемся в восемь. Люди утром едят яйца.

— У нас хорошая каша.

Галина посмотрела на пустое место под последней строчкой, но унесла меню к стойке. Тимофей убавил огонь под бульоном, добавил картофель и морковь. От горячего края кастрюли потянуло курицей. Впервые за утро он перестал слышать дорогу.

Эту плиту он сам оттирал и чинил, из-за неё спорил с электриком. Его сбережения ушли на холодильник и ремонт, плиту пришлось брать с рук. Теперь конфорка нагревала ровно. Кастрюля стояла устойчиво, вытяжка забирала пар, а нож ложился в руку без мысли о том, кому ещё понадобится сегодня этот стол.

Он переставил зелень поближе к раздаче. Крючок для половника сам закрепил справа от плиты, чтобы дотягиваться не глядя. Теперь осталось привыкнуть к новому месту: рука пока искала его слева.

Без четверти восемь пришла Арина, невысокая, в чистых кедах. На собеседовании она казалась медленнее. Фартук нашла сама, кассу включила и почти сразу обнаружила, что названия блюд не помещаются на кнопках. Тимофей разрешил поправить подписи, попросив только оставить их понятными.

Она ушла к стойке, а он попробовал суп отдельной ложкой и чуть добавил соли. Проверил картофель. Из зала щёлкнул замок входной двери.

— Галина, ещё минуту!

— Восемь уже.

Вошедшие отряхнули ноги о новый коврик.

Первый посетитель поставил на стойку большой термос. У второго на лбу остался красный след от шапки. Оба задержались перед меню. Галина вышла к ним с салфетками и пригласила садиться. Все шесть столов с четырьмя стульями возле каждого пока пустовали.

Тимофей подошёл к раздаче. Здесь ещё пахло новым деревом. Он смахнул со стойки крошку и задержался, ожидая, что мужчины оглядят зал, заметят чистые окна, новые светильники. Первый тем временем расстегнул куртку и наклонился к меню.

— Чего на завтрак? Яичницу с картошкой сделаете?

— Сейчас каша готова. С маслом. Есть запеканка, из духовки достану.

Запеканка его не заинтересовала. Второй водитель выбрал суп с хлебом; первый тоже согласился на суп, но от стойки не отошёл.

— А яйца вообще не жарите?

— Жарим.

— Или кухня ещё не вся работает?

Тимофей посмотрел на него поверх стойки.

— Вся работает. Две яичницы с картошкой. Восемь минут.

— Во. Нам подходит.

Арина приняла заказ и занялась чаем. Тимофей нарезал заготовленный с вечера отварной картофель, распределил на большой сковороде. Во вторую плеснул масло для яиц. Сначала подать суп, затем горячее. Успеет.

— А можно мне такой же завтрак? — донеслось из зала.

— Можно. Восемь минут, — ответила Арина.

Тимофей обернулся. Посетитель в куртке с нашивкой службы доставки уже убирал телефон: успел заплатить.

— Арина, я про эти две порции говорил.

— А он слышал и захотел третью. Я пробила.

— Не надо время за меня обещать.

— Ты же сказал: восемь минут.

Тимофей перевернул картофель. Возражение пришлось оставить: Арина ставила на раздачу тарелки и предупреждала, что третьему нужны яйца с ветчиной, без картофеля.

На новом чеке значилось только «ЗАВТРАК — 1». Уточнение осталось в кассовом комментарии; Арина пообещала вывести его на печать. Тимофей положил чек у доски, достал ветчину и разлил суп стальным половником. Галина подхватила поднос с хлебом и унесла в зал.

Доставщик выбрал стол у розетки. Когда он положил телефон на столешницу, та качнулась. Тимофей уже двинулся к выходу из кухни, но масло для яиц нагрелось. Он вернулся к сковороде и разбил яйца. С той стороны стойки Галина показала посетителю соседнее место.

— Арина, завтрак пока не пробивай.

— Кашу тоже нельзя?

— Я про яичницу. Кашу можно.

Она вернулась к экрану. Принтер коротко зажужжал.

— Каша с маслом, — объявила Арина. — Не завтрак.

У кассы стояла женщина в дорожном жилете. Уже четвёртая, а он и не заметил, как вошла. Галина подвинула ей меню.

Тимофей разложил картофель по тёплым тарелкам. Яичница соскользнула следом, с целыми желтками. В освободившуюся сковороду пошла ветчина для третьей порции.

Арина забрала первые две тарелки.

— Одиннадцать минут, — сказала она, посмотрев на часы.

— Спасибо.

— Я тебе. Им не скажу.

За первым столом водители доедали суп. Мужчина с термосом собрал мякишем остатки со дна, освободил место для яичницы и сразу взялся за вилку.

Отдав третью порцию, Тимофей оторвал кусок от пустой упаковки и направился к шаткому столу. Галина уже подкручивала опору, а доставщик придерживал столешницу. Тимофей остановился с картонкой в руке. Галина нажала на край стола. Тот больше не качался.

Он убрал картон в карман и вернулся к стойке. Арина подозвала его к кассе: две кнопки выглядели одинаково, «Картофель с…», хотя под одной скрывался гарнир, под другой — курица. Она переименовала их при нём и открыла следующую карточку.

— Завтрак убираю?

— Подожди. Вдруг ещё попросят.

Она сняла палец с экрана.

— Тимофей, я могу у каждого заказа спрашивать, что сегодня значит «завтрак». А могу убрать кнопку и приносить заказ словами. Как быстрее?

Из зала позвали Галину: женщина хотела взять запеканку с собой. Тимофей посмотрел в сторону духовки, затем снова на экран.

— Убирай. До завтра. Если попросят яйца, сначала ко мне.

Арина нажала на экран. Кнопка исчезла.

— Вот. Теперь случайно не продам.

— Мне бы так ещё одного человека, который может нажать и закончить спор, — сказала Галина, возвращая поднос.

— У вас уже есть Кнопка, — сказал Тимофей.

Арина подняла глаза.

— Арина тоже отзывается.

Он пошёл за запеканкой, пока Арина доставала контейнер. Поставил форму на свободный край стола и отделил лопаткой кусок.

***

К половине одиннадцатого он дважды налил себе чай и ни разу его не выпил. На блюдце подсыхала запеканка, отрезанная ещё для пробы.

В зале стало тише. За столом сидела пара с дорожным атласом; мужчина придерживал страницу локтем и ел кашу. Арина уносила посуду. Тимофей прислонился бедром к рабочему столу. Под лопаткой тянуло. На холодильнике лежал шуруповёрт: кто-то занёс с крыльца.

Вывеску можно было поправить сейчас. Он вытер руки и уже потянулся за инструментом, когда звякнула входная дверь.

Вернулся первый водитель. Забытый серый термос Арина достала с нижней полки стойки. Пока он укладывал его в сумку, Тимофей предложил долить кипятка.

— Там свой. А супа с собой дадите? У меня банка в машине.

Через минуту на стойке появилась чистая литровая банка. Тимофей взял её, подставил под половник и налил суп, оставив место под крышкой. На горлышке повисла капля; он вытер её салфеткой.

Арина пробила заказ, Тимофей упаковал ещё четыре куска хлеба. Водитель уложил банку в сумку, обложил курткой и спросил, до скольких открыто кафе. Галина ответила, что до девяти.

— Ладно. Будем мимо — заедем.

Тимофей проводил его взглядом до машины. Водитель осторожно поставил сумку в кабину, а напарник сразу забрал хлеб.

Галина подошла со счётом на продукты в телефоне. Оплатить надо было сегодня. Тимофей помнил разговор об отсрочке до вторника, но она касалась следующей поставки. Этот счёт Галина отправила ему ещё утром.

— Видел, — сказал он, доставая телефон.

— Ты мне на него фотографией вывески ответил.

Тимофей нашёл утренний счёт в переписке. После обеда надо будет сесть с Галиной и оплатить.

Арина положила рядом листок из блокнота. За утро у неё набрался список неудобств кассы: половину порции супа не выбрать, чай без лимона не отметить. Под ними, на отдельной строке, было добавлено: «Не кричать горячие заказы через весь зал».

— Это к кассе относится?

— Это к тебе. Посетители оборачиваются.

Тимофей посмотрел на пару с атласом: от стойки до них всего несколько шагов. Сложил листок и убрал к телефону.

Через окно виднелся край стремянки. Пока людей мало, он как раз успеет сходить на крыльцо. Тимофей взялся за фартук, собираясь его снять, но Галина уже отнесла его блюдце на свободный стол.

— Поешь. Я на раздаче постою.

Он всё-таки заглянул на кухню. Крышка суповой кастрюли тихо подрагивала; Галина подошла и убавила огонь. Тимофей повесил фартук на крючок и сел.

Стул оказался удобнее, чем он помнил. Запеканка ещё пахла ванилью; подсохший край приятно хрустнул. Из кухни поднимался пар. За соседним столом шуршала страница атласа.

До одиннадцати оставалось несколько минут. Арина налила ему чай в белую чашку.

Он взял её обеими руками и сделал несколько глотков, прежде чем у стойки остановился новый посетитель.

— Пообедать уже можно?

— Можно, — сказала Арина и открыла следующий чек.

Глава 2. Двадцать четыре места

Тимофей отставил чашку и вернулся на кухню. Первый обеденный заказ был простым: суп, курица с картофелем, чай. Он поставил тарелки на раздачу, и Арина унесла их, придерживая локтем дверь. Через десять минут у кассы ждали уже трое.

До полудня Тимофей ещё различал отдельные голоса. Потом зал загудел ровно, со звоном ложек и скрипом отодвигаемых стульев. Сквозь этот шум Галина спрашивала про хлеб, Арина выставляла новые чеки, а у плиты стало тесно от посуды, которую он сам расставил слишком широко.

Он убрал лишнюю миску на полку. Готовые порции теперь помещались рядом, и Арине не приходилось тянуться через горячую посуду. Тимофей успевал видеть, кому понесли еду, и сразу принимался за следующий заказ.

В половине первого через раздачу заглянул мужчина в расстёгнутой куртке. За ним стояли ещё трое, с дороги, с шарфами в руках.

— Четверых накормите?

— Проходите. Вон стол сейчас освободится.

Мужчины у окна уже складывали салфетки на пустые тарелки. Один встал за курткой. Тимофей повернулся к плите, но Арина положила ладонь на край раздачи.

— Туда уже ждут. Двое. И Борисыч с ними сядет.

Тимофей выглянул в зал. У входа действительно стояла пара, которую он принял за только что вошедших. Рядом крупный сутуловатый мужчина в потёртой куртке переставлял две сумки к стене, освобождая проход для Галины с подносом.

— А другие столы?

Арина молча посмотрела на него.

За каждым сидели по четверо. У ближнего стола человек пил компот над пустой тарелкой, но его соседи только взялись за курицу. За следующим разворачивали хлеб. Дальше Тимофею мешали видеть спинки стульев. Утром зал казался просторным; сейчас он не понимал, куда поставить даже тех, кому уже предложил пройти.

— Мы бы вместе сели, — сказал мужчина в расстёгнутой куртке. — Нам ещё ехать.

— Могу собрать с собой, — предложила Арина. — Горячее готово. Тогда стол ждать не придётся.

— А поесть где?

— Вы на машине? — спросил Тимофей.

Мужчина показал через окно на легковую у крыльца. Одна из женщин за его спиной уже разглядывала меню. Она выбрала курицу, уточнив только, дадут ли вилки. Остальные согласились. Тимофей достал четыре контейнера, пока Арина принимала оплату.

За пакетами пришлось обратиться к Галине: запас она переложила под стойку.

Арина разнесла вилки по пакетам, выдала заказ и вернулась к освободившемуся столу. Двое ожидавших сели ближе к окну. Борисыч убрал свои сумки под столешницу и занял стул с краю.

— Борисыч, тебе чего? — спросила Галина, забирая поднос.

— Что готово. Чтоб я за полчаса поел и поехал.

Борисыч согласился на суп и курицу, только попросил картофеля побольше: до следующей остановки есть будет некогда.

Когда Тимофей понёс ему горячее, тот уже доедал суп. Отодвинул сумку, чтобы повар прошёл, и спросил, где можно вымыть руки перед дорогой. Тимофей показал. На обратном пути хотел забрать у соседнего стола пустую тарелку, но её ещё придерживали ладонью, собирая хлебом подливу. Он оставил тарелку на месте.

К часу новые чеки перестали ложиться один на другой. Арина успела протереть стойку, Галина принесла с мойки чистую посуду. Тимофей разложил оставшуюся курицу так, чтобы видеть запас, и на следующую просьбу о свободном столе сначала посмотрел на Арину.

Борисыч рассчитался, забрал сумки и остановился у двери, пропуская вошедших. Через окно Тимофей видел, как он поставил поклажу в кабину фуры и обошёл машину, задержавшись у колеса. Потом завёл двигатель. Пока тяжёлая машина выбиралась со стоянки, Тимофей поставил на плиту картофель для следующей партии.

***

Около трёх он заметил, что дверь холодильной комнаты закрывается с непривычно мягким стуком. Потянул за ручку — створка подалась без усилия. На полу у порога тянуло холодом.

В верхнем углу уплотнитель сплющился и затвердел. Тимофей провёл пальцем по резине, прижал дверь плечом. Щель исчезла, но, стоило отойти, показалась снова. При ремонте он проверял, охлаждает ли установка, а дверь несколько раз просто захлопнул.

Он принёс отвёртку, ослабил крепление ответной планки и немного сдвинул её. Защёлка стала туже притягивать створку. Полоска бумаги, которую он зажал у верхнего края, теперь держалась. Резина при этом осталась такой же жёсткой.

Галина записала, какой уплотнитель нужен, и вернулась к кассе. Тимофей убрал инструмент. За задней дверью коротко просигналили.

Тарасов приехал с маслом, яйцами и молоком. Тимофей ещё утром звонил ему из кухни, рассчитывая получить всё к вечеру. В коробке ровными рядами лежали пачки масла; от открытого кузова тянуло холодом. На остаток в холодильнике он уже смотрел с досадой: оставалось на несколько порций.

— Выручил, — сказал он, помогая донести ящик до стола.

— Я же обещал. Ты лучше место приготовь, у меня ещё курица есть.

Тарасов показал на два короба в кузове и назвал цену. Тимофей приподнял крышку, осмотрел упаковки. Товар хороший, срок подходящий. Он уже прикидывал, сколько можно пустить на завтрашние обеды, когда Тарасов подхватил второй короб.

— Оба бери. За такую цену потом не найдёшь.

— Одного хватит.

— У тебя сегодня сколько народа прошло?

— Они завтра могут не прийти.

— Эти не придут, другие приедут. Ты же открылся.

Тимофей придержал короб за край. Тарасов всё ещё держал его с другой стороны.

— Роман, мне его ставить некуда.

— Так в холодильнике полка пустая.

— Там молоко будет. Которое ты привёз.

Тарасов посмотрел за его плечо и опустил короб обратно в кузов. Другой короб Тимофей унёс в холодильную комнату. Прижал дверь до щелчка и проверил рукой, что она держится.

Пока он возвращался, Тарасов поставил на стол пачку глубоких контейнеров с крышками. Таких с утра не хватало: суп в дорогу пришлось наливать в чужую банку.

— Эти тоже забирай. Я взял, пока были.

Тимофей отделил одну крышку, попробовал, как она садится. Пластик не прогибался под пальцами, защёлки по краям держали плотно.

— Почём?

Тарасов назвал цену. Тимофей посмотрел на стоявшие у раздачи упаковки для горячего. До завтра хватало, а вот для супа подходящей посуды не было.

— Ладно. Пачку оставь.

Тарасов дописал в накладную контейнеры, убрал лишний короб курицы. Тимофей расписался, отдал бумагу Галине и помог Роману закрыть борт машины.

На кухне оставалось доделать две порции.

***

К девяти в кафе остался один посетитель. Он допивал чай, пока Арина собирала со столов посуду. Тимофей на кухне убирал продукты и освобождал мойку. От выключенной плиты ещё тянуло жаром.

Когда Галина заперла входную дверь, они перенесли бумаги в кабинет. Здесь было тесно даже втроём. Тимофей сел боком к столу, оставив Арине место у лампы. Рядом с чеками лежал оплаченный счёт на утренние продукты; его они с Галиной закрыли после обеденной волны.

Арина сверила итог на кассе со своими записями и отложила блокнот.

— А после девяти время тоже считается?

— Считается, — ответила Галина.

— Тогда я запишу, во сколько ухожу. И утром я в семь сорок пять кассу включала.

Галина достала свой ежедневник. Тимофей подтянул к себе чеки: он собирался проверить их ещё раз, хотя Арина уже разложила всё по порядку.

— Завтра можно кассу сразу после последнего посетителя закрыть, — сказал он.

— Можно. Только потом ещё посуду убрать, столы протереть и деньги сверить, — сказала Арина. — Это тоже завтра будет.

Он положил чеки обратно. Галина записала её сегодняшнее время, договорилась учитывать работу до открытия и после закрытия. Пока Арина закрывает кассу, кухню и оставшуюся посуду они с Тимофеем уберут сами.

— И со столами давай так, — добавила Арина. — Ты мне говоришь, сколько еды готово. А кто садится и кто ждёт, я решаю. Вместе с Галиной.

Тимофей вспомнил четверых у раздачи. Спросить Арину тогда можно было сразу; она стояла в двух шагах.

— Договорились. Только если люди с дороги, предлагайте с собой.

— Я предлагала.

— Знаю.

Арина убрала блокнот в сумку и ушла в десять минут десятого.

Галина занялась завтрашними платежами. Тимофей перенёс чеки в зал, к свободному столу. Хотел прикинуть, что готовить с утра, но зазвонил телефон.

На экране было имя Ли Мэй.

— Тимофей, добрый вечер. Завтра к десяти привезу чашки и оборудование. Вам удобно?

Он посмотрел на часы, будто по ним можно было понять, что будет завтра в десять.

— Да, конечно. Мы с восьми открыты.

— Тогда я сначала сдам поставку. И мне нужно будет немного времени для отдельного предложения. Галина будет?

— Будет. Мы оба будем.

Он взял со стола ручку, но записывать оказалось нечего. Десять утра, чашки, всё уже было в заказе.

— И чай на пробу привезти? — спросила Ли Мэй.

— Да. Было бы хорошо.

— Чёрный или зелёный?

Тимофей провёл колпачком ручки по краю блокнота. В трубке помолчали.

— Какой вам самой больше нравится.

В телефоне коротко шелестнула бумага.

— Тогда возьму оба. На месте попробуете.

— Вместе, — сказал он. — Если время будет.

— Попробуем. До завтра, Тимофей.

Он попрощался и положил телефон. Стопка чеков лежала ровно; Тимофей придвинул её к краю стола, затем вернул чуть дальше от края. Снял колпачок с ручки и снова надел.

Галина вышла из кабинета с ключами. Они погасили свет, проверили заднюю дверь и заперли кафе. Тимофей убрал стремянку под навес.

До съёмной комнаты он дошёл к половине десятого. В кармане нащупал ключ, вынул вместе с ним сложенный листок с замечаниями Арины. Переложил листок в другой карман и открыл дверь.

Глава 3. Входит в комплект

К десяти Ли Мэй свернула со стоянки к задней двери кафе. Водитель фургона притормозил следом. Она вышла на сухой край дорожки и взяла с заднего сиденья портфель и длинный свёрток в плотной ткани.

Тимофей уже ждал у двери, в фартуке, с подвёрнутыми рукавами. По телефону его голос звучал ниже. Он придержал створку, пока водитель открывал кузов, потом подошёл помочь с коробками.

Ли Мэй поставила портфель у стены, положила свёрток на сухой подоконник и достала документы. Водитель выдвинул к краю большую коробку с чашками, взял другую, с термопотом, и собирался поставить её сверху.

Тимофей подхватил тяжёлую коробку за дно раньше, чем Ли Мэй успела предупредить водителя.

— Тут чашки. Раздавим.

Он отступил от машины и замер в проходе между дверью и кузовом. Водитель уже держал стопку новых подносов, которую нужно было вынести следующей. Чтобы пропустить его, Тимофею пришлось бы снова подойти к коробке с чашками.

Ли Мэй закрыла папку. Попросила Тимофея поставить термопот на свободный стол внутри, а водителю показала, где оставить подносы. Сама вынула коробку с чашками. Тимофей вышел навстречу и подхватил её с другой стороны. Они внесли её боком, обойдя выступавшую дверную ручку.

На пороге он посмотрел на неё поверх картона.

— Я вам не дал помочь.

— Дали. Только сначала пришлось найти вам место.

Он поставил коробку и убрал из прохода упаковочную плёнку. Ли Мэй отнесла свёрток к портфелю, затем раскрыла ячейки с чашками. Белые, без рисунка, с широкими ручками. Одну она повернула к окну, провела большим пальцем по глазури у ободка. Сколов не было.

Тимофей взял соседнюю, примерил ручку к пальцам. Тонкая бумажная прокладка прилипла к его ладони, и он отлепил её краем чашки.

— Вот такие и хотел. Чтоб держать можно было.

— Вы же их сами выбрали.

— На фотографии у всех держать можно.

Ли Мэй пересчитала дюжину чашек и передала Галине документы. Термопот тоже приехал целым.

За дверью кухни звякнула крышка. Тимофей повернул голову, но Галина уже шла к плите. На крючке возле мойки висел второй фартук. Ли Мэй решила, что он для сменщика, и спросила, нужно ли дождаться второго повара, чтобы проверить термопот.

— Это Галины фартук. На горячем я один. Она сейчас только суп посмотрит, вернётся.

Он снова взялся за коробку, но Ли Мэй попросила сначала оставить её на месте: из машины ещё не выгрузили последний поднос. Тимофей отпустил картон и придержал дверь водителю. Ли Мэй посмотрела на свободный проход. Обычно после такой просьбы ей приходилось ещё выслушать, почему чужой способ лучше. Здесь уже можно было продолжать работу.

Пока тот укладывал пустые прокладки обратно в кузов, Ли Мэй убрала в папку свой экземпляр документов. С кухни пахло луком и разогретым маслом. Тимофей освободил для новых вещей край стола, переставляя только то, что мешало. Девушку у кассы позвал негромко, подойдя к раздаче, и передал ей чашки для мойки.

Ли Мэй заплатила водителю за доставку. Когда фургон уехал, достала из портфеля два небольших пакета чая и пошла на кухню.

***

Тимофей снял с термопота последний кусочек защитной плёнки. Тот занял почти весь свободный угол у раздачи, но выглядел там хорошо: новый блестящий корпус, ровная крышка, удобный рычаг крана.

Тимофей поставил под него чашку. Теперь не придётся носить чайник через кухню и спрашивать, кому ещё долить.

Ли Мэй подошла с пакетами и задержалась у края стола.

— Если наливать здесь, поднос придётся ставить за ним.

— Я его потом подвинуть хотел.

— Когда?

— Как проверю.

Она поставила пакет на то место, куда он только что собирался положить крышку, и тут же подняла его.

— Вот. Уже неудобно.

— Вы меня опередили на полминуты.

— Тогда я пока ничего не говорила.

Тимофей посмотрел на неё. Она убрала пакет, но осталась рядом, придерживая его раскрытый край. От сухого чайного листа тянуло лёгким терпким запахом.

Арина принесла вымытые чашки и остановилась с подносом: поставить его было некуда. Тимофей взялся за термопот, Ли Мэй подхватила свисающий шнур. Они перенесли прибор на тумбу у стены. Там кран оказался близко к краю, а до розетки хватало провода без натяжения.

— Здесь и собирался ставить, — сказал Тимофей, забирая у неё вилку.

— Хорошо, что успели.

Он принёс воды в кувшине и наполнил термопот. На этот раз чашку поставил так, чтобы видеть, куда пойдёт струя. Ли Мэй подала под неё блюдце. Пальцы на секунду встретились у ободка; Тимофей перехватил чашку за ручку и включил нагрев.

Из зала попросили два обеда. Тимофей и Ли Мэй по очереди вымыли руки у свободной мойки. На новых подносах тарелки помещались свободнее. Тимофей разлил суп, Ли Мэй поставила хлеб, придержала край, пока он добавлял горячее. Второй поднос она уже повернула к раздаче узкой стороной вперёд.

Он успел положить хлеб на второе блюдце, прежде чем она протянула руку за ним. Ли Мэй убрала руку, посмотрела на него и чуть улыбнулась. Арина унесла оба заказа.

За их спинами щёлкнул термопот. Ли Мэй отсыпала чай, а Тимофей наполнил заварочный чайник и подставил чашку под кран.

— Работает, — сказал он.

— Вы с таким видом проверяете, будто я его сама паяла.

— Я новый чайник однажды три дня возвращал. Мало ли.

— Поэтому сначала проверяем. Потом закрываем документы.

Когда Галина ушла в кабинет, они попробовали чай. Тимофей поднёс чашку к лицу. Чёрный пах крепко, но во вкусе не было привычной горечи. Он сделал второй глоток поменьше и оставил чашку перед собой. Ли Мэй села на свободный стул у края стола.

— Второй сейчас будете?

— Давайте этот сначала допью.

Она подвинула пакет так, чтобы он видел надпись. Тимофей спросил, сколько брать на чайник для зала. Ответ записал прямо на пустом месте в инструкции. Ли Мэй посмотрела на запись, добавила пару слов про хранение и вернула ручку.

Из духовки пахнуло курицей. Тимофей подошёл поправить противень и обернулся к ней.

— Пообедаете у нас? Входит в комплект.

— К чему?

— К поставке. Вы же с утра в дороге.

— Поставка уже посчитана. Обеда там нет.

— Так я от себя предлагаю.

— Спасибо. Но я сначала выберу, чего хочу.

Тимофей вернул чистую тарелку на полку. Ли Мэй сама отнесла чашку на мойку, выбрала обед по меню и расплатилась у Арины.

В следующем чеке оказались запеканка со сметаной и обычный чай. Тимофей отрезал кусок из формы, положил сметану отдельно. Запеканку подогрел и сам отнёс к столу.

— Курица не понравилась?

— Очень хорошо пахнет. Но я хотела вот это.

Она повернула тарелку, отделила ложкой край запеканки. Тимофей задержался, собираясь ещё что-то предложить, но Ли Мэй уже ела. Он забрал с соседнего стола пустой поднос и вернулся на кухню.

***

К шести Ли Мэй вернулась из гостиницы. Дорожная сумка осталась в номере; с собой она принесла папку и свёрток. Между заселением и возвращением успела поговорить с двумя покупателями чая, переслать фотографии упаковки и договориться об обычной встрече на другой день. Теперь телефон можно было убрать.

Галина ждала её в кабинете. С оплатой поставки закончили ещё до обеда; Ли Мэй оставила свёрток возле стула.

— Вы хотели ещё что-то предложить, — напомнила Галина.

Ли Мэй посмотрела на стол. У края лежали калькулятор, очки и начатый список продуктов. Она положила папку на колени.

— Моя семья торговала старыми кухонными вещами. Покупали то, что люди выносили из закрытых заведений, что-то чинили, продавали дальше. Одна вещь оказалась связана с этим зданием.

— Со столовой? Здесь раньше столовая была.

— Да. Поэтому я и обратила внимание, когда вы начали её снова открывать.

Галина сняла очки со стола и надела.

— Там внутри что?

— Половник. Но предложение касается не только его. По семейным записям, здесь была связь с кухней в другом мире.

Галина некоторое время смотрела на неё, потом отодвинула список продуктов.

— Вы сейчас в прямом смысле?

— В прямом. Я хочу понять, можно ли восстановить эту дорогу. Для небольшого торгового маршрута. Мне нужен работающий земной очаг и люди, с которыми можно договориться.

— А вы уже ходили по ней?

— По этой — нет. Я не знаю, отзовётся ли другая сторона сейчас.

Галина позвала Тимофея и освободила середину стола для половника.

Тимофей вошёл, вытирая руки полотенцем. Посмотрел на Ли Мэй, затем на свёрток.

— Тут и твоя кухня нужна, — сказала ему Галина. — Садись, послушаем вместе.

Ли Мэй положила тяжёлый свёрток на стол. Ткань чуть зашуршала по дереву. Она развязала тесёмку, отогнула один край, затем второй.

Показалась глубокая металлическая чаша, тёмная внутри, с потёртым краем. Длинная рукоять лежала поперёк стола. Ли Мэй вытянула из-под неё складку ткани и расправила полотно, чтобы половник не царапал дерево.

Глава 4. Старый половник

В семь Галина заперла входную дверь. Объявление о раннем закрытии она повесила ещё час назад, но всё равно задержалась у стекла, провожая взглядом машину, которая свернула к кафе и сразу поехала дальше.

Ли Мэй перенесла половник из кабинета на стол у окна. Длинная рукоять едва помещалась между краем стола и сахарницей. Тимофей принёс три чашки, свой недопитый чай поставил подальше от металла.

За прошедший час он успел спросить, сколько вмещает чаша и не будет ли рукоять перевешивать в небольшой кастрюле. Теперь сел напротив Ли Мэй и потянул половник к себе.

— Хорошо сделан. Только мне для кухни старину собирать пока не на что.

Ли Мэй придержала ткань, чтобы та не сползла ему на колени.

— Я предлагаю им пользоваться.

— Чашками я уже пользуюсь. А у этого, как я понял, история к цене прилагается.

Он говорил спокойно, разглядывая место, где чаша переходила в рукоять. Ли Мэй достала из папки сложенный лист. На сгибах бумага истончилась; прежде чем развернуть её, она убрала чашку Тимофея ещё дальше.

В семейной записи половник стоял среди обычных кухонных вещей. Рядом было описание прежней столовой у этого съезда, а ниже — название кухни, с которой та поддерживала связь. Ли Мэй положила возле листа небольшую медную пластинку с ушком.

Галина пододвинула к себе бумагу, повела пальцем по строкам о здании.

— Задний вход тогда был с другой стороны, — сказала она. — Мы его заложили. Здесь всё правильно.

Тимофей приподнял пластинку за ушко.

— Это тоже оттуда?

— Парная метка кухни Отсева. По ней можно понять, отзывается ли та сторона. Сейчас она ничего не показывает.

— Отсев — это где?

— В другом мире. Проход должен открываться здесь, через подсобку.

Тимофей положил пластинку обратно. Ли Мэй придержала загибающийся уголок листа, но он смотрел уже не на бумагу.

— Вы серьёзно предлагаете мне открыть дверь в другой мир?

— Проверить, можно ли её открыть. Я не знаю, работает ли ещё эта связь.

Галина сняла очки и положила их поперёк записи.

— А вы сами через такие двери ходили?

— Да. Через другие. Эту я знаю только по записи. Там должна быть кухня, но кто сейчас ею пользуется, мне неизвестно.

Галина откинулась на спинку стула. На улице проехал грузовик, свет фар скользнул по пустым столам. Она дождалась, пока стихнет шум.

— Хорошо. Допустим, всё это правда. Что будет, если из подсобки выйдет человек, которого я не приглашала?

— Если проход откроется, через него смогут пройти. С той стороны тоже. Выбирать только удобных нам посетителей эта вещь не умеет.

— Значит, я должна согласиться пустить к себе неизвестно кого?

— Сначала нужно получить отклик действующей кухни. Потом решать, открывать ли проход. Но обещать вам, что за ним будет стоять приятный человек, я не могу.

Галина обернулась к проходу за кухню.

Тимофей взял половник обеими руками, проверяя вес.

— Пойдёмте. Покажу, что у нас осталось от старой плиты.

Ли Мэй убрала запись и метку в папку. Галина допила остывший чай и пошла следом.

***

В подсобке Тимофей включил свет локтем: половник неудобно было нести за середину, чаша тянула вниз. Он перехватил рукоять ближе к ней и наконец нашёл равновесие.

Край был стёрт, но не погнут; металл у основания рукояти оставался толстым. На дне темнели следы долгой работы. Тимофей провёл по ним подушечкой пальца. На коже осталась серая полоска.

Тимофей открыл старую дверь в дальней стене подсобки. За ней оказалась стена, которую он видел во время ремонта. Провёл рукой по косяку, заглянул к нижней петле. Ли Мэй стояла рядом, оставив ему место.

— А что-нибудь показать вы можете?

— С этой связью — нет.

Он прикрыл створку.

— Вы же понимаете, как это выглядит. Есть старый половник, есть бумага. Сейчас я куплю, а потом выяснится, что у меня недостаточно особенная кухня.

— Особенная не нужна. Нужен действующий очаг, свежая приготовленная основа и первая добровольная подача. Я могу сказать, что написано в записи. Гарантировать результат не могу. Возможно, здесь он так и останется обычным половником.

Тимофей посмотрел на неё внимательнее. Он ждал, что сейчас ему предложат ещё какое-нибудь доказательство, но Ли Мэй убрала папку под мышку и пропустила его на кухню.

На кухне было теплее. Обычный половник висел у плиты, лёгкий, с ручкой, которую Тимофей ещё утром собирался подтянуть. Он положил привезённый рядом, на чистый поднос.

От старого очага при ремонте сохранили чугунную часть и крепления. Рабочую поверхность привели в порядок, а лишний металл закрыли защитной планкой. Тимофей присел возле неё и включил фонарик на телефоне.

Луч выхватил пыль в узкой щели. Он протёр доступный край сухой тряпкой и наклонил голову. На старой детали под планкой шла неглубокая бороздка. Дальше она поворачивала под слишком ровным углом для случайной царапины.

Тимофей передвинул телефон, подсветил сбоку.

— Что там? — спросила Галина.

— Не разберу. Какая-то отметка.

Ли Мэй присела рядом. Тимофей подвинулся, упёрся локтем в колено и удержал телефон, пока она смотрела в щель.

— Часть рисунка закрыта, — сказала она. — По этому я ничего не скажу.

— Сейчас снимем.

Он поднялся и выдвинул ящик с инструментом.

Галина положила ладонь на край ящика.

— Тёма. Завтра в восемь мы открываемся. Эта часть ещё тёплая. Если крепёж не пойдёт, что ты собираешься делать?

— Тут два винта.

— Ты и вчера холодильник только посмотреть собирался.

Тимофей вынул отвёртку. На одном винте уже был сорван край шлица. Он примерил жало и отвёл руку. Соскочит — придётся высверливать, отодвигать стол. В прошлый раз он закончил такую работу в первом часу ночи.

— Ладно. Не сейчас.

Галина отпустила ящик. Тимофей убрал отвёртку. С такого места отметку всё равно не разглядеть.

— Вы знали, что здесь есть отметка? — спросил он Ли Мэй.

— Нет. Я знала про старый очаг. Вы видели его ближе меня.

Он выключил фонарик и примерил половник к пустой кастрюле. Длинную рукоять пришлось перехватить ближе к чаше.

Ли Мэй смотрела на его руки.

— Если не получится, суп им всё-таки наливать можно, — сказал Тимофей.

— После мытья.

Он коротко рассмеялся, убрал кастрюлю и понёс половник обратно в зал.

***

Ли Мэй села на прежнее место у окна. Галина принесла из кабинета ручку и чистый лист; Тимофей положил половник между ними. За кухонной дверью ещё шумела вытяжка. Пока Галина ходила выключить её, он провёл ладонью по волосам и спросил:

— Вы знали, что мы вам поверим?

— Нет.

— А всё равно привезли.

— У меня был ваш заказ. И возможность поговорить с вами. Я могла уехать после чашек.

Тимофей посмотрел на лежащую у неё на коленях папку.

— Хорошо, что остались.

Ли Мэй собиралась раскрыть папку, но задержала пальцы на застёжке. Он уже придвинул к себе половник и смотрел в сторону кухни.

Галина вернулась, села и взяла ручку.

— Теперь можно про деньги.

— Три тысячи за половник, — сказала Ли Мэй. — Разовая продажа. После оплаты он ваш. А я хочу вместе с вами проверить эту дорогу и, если она работает, возить через неё свой чай и другие небольшие товары.

— То есть я покупаю вещь, которая может не работать, — сказал Тимофей.

— Да.

Он потёр большим пальцем край рукояти.

— На пробу оставить не хотите?

— Прежде решите, хотите ли вы этим заниматься. Я могу забрать половник сегодня. Поставкам чая это не помешает.

— А за вашу торговлю кто отвечает? — спросила Галина.

— Я. Покупаю сама, продаю сама. Если понадобится еда, отдельно договоримся, что вы можете приготовить.

— А долю от кафе за половник вы не попросите?

— Нет. Мне нужен партнёр на земной стороне. Вашу долю я не покупаю.

Галина повернулась к Тимофею.

— Покупать будешь себе или на кухню?

Он посмотрел на половник, затем на папку Ли Мэй.

— Себе. Из своих заплачу.

— А я согласна на одну проверку. Вне потока, без посетителей у нас за спиной. Если не нравится, заканчиваем. Если получится, это ещё не значит, что теперь кто угодно будет носить через кухню мешки.

— Мне тоже не нужны мешки в первый день, — сказала Ли Мэй.

— И завтра кафе работает.

Тимофей откинулся на стуле.

— Я ещё ничего не сказал.

— Вот я и говорю заранее. Сегодня уже два часа потеряли. Завтра посмотрим, что надо освободить и когда мы можем остановить выдачу. Пробовать будем послезавтра, двадцатого.

Ли Мэй открыла календарь в телефоне. Завтрашняя встреча с покупателем чая оставалась на месте. Двадцатое было свободно; она отметила проверку.

— Двадцатого я могу. И буду здесь до конца проверки.

Тимофей наклонился над столом.

— Если отзовутся, вы узнаете, кто там?

— Спрошу. А потом, если захотят, поговорите сами.

— Интересно, в чём они готовят.

Ли Мэй подняла на него глаза. Он говорил уже быстрее и держал половник за рукоять, как возле кастрюли.

— Вы ещё дверь не видели.

— Так я и хочу увидеть. Кухню, хозяина. Попробовать, что он варит.

— Своё сразу предложите?

Тимофей помедлил.

— А почему нет?

Ли Мэй улыбнулась и взяла ручку. Тимофей подвинул к ней чистый лист.

Получив перевод, Ли Мэй отдала Тимофею расписку о продаже половника. Семейную запись и метку убрала к себе.

На часах было без десяти девять. Галина встала проверить заднюю дверь. Ли Мэй собрала папку и потянулась за курткой. Тимофей снял её со спинки стула и придержал, пока она продевала руки в рукава.

Ткань, в которой приехал половник, осталась на столе. Ли Мэй протянула её Тимофею. Он завернул чашу, обвёл тесёмку вокруг длинной рукояти и завязал узел.

Глава 5. Не указано на коробке

К восьми Тимофей успел вымыть старый половник и найти для него место на верхней полке. Рукоять выступала над соседней посудой; пришлось перевернуть его чашей к стене. В работе он оставил обычный, лёгкий.

Потом взял чистый лист и написал крупно: «20 октября до четырнадцати закрыто».

Арина, только что выслушавшая рассказ о половнике, посмотрела на объявление. Затем достала из-под кассы два чека и принесла их на кухню. На обоих она пометила завтрашнюю дату и время: обеды с собой, забрать к двенадцати.

— А этих куда? Тоже в другой мир?

— Я же не навсегда закрываю.

— Они тоже не навсегда. Им в двенадцать уезжать.

Тимофей развернул чеки к себе. Посетителей он помнил: вчера ели суп, потом спросили, можно ли на обратном пути забрать еду, не дожидаясь, пока освободится стол. Можно, сам и сказал.

— Выдадим и закроем.

— Значит, до двенадцати вы всё равно готовите, — сказала Арина. — А на двери будет написано, что нет.

Из зала донёсся звон колокольчика. Арина ушла к кассе, оставив чеки возле объявления. Тимофей прижал их пустой чашкой, чтобы не сдуло сквозняком.

Он хотел спокойно проверить всё до прихода Ли Мэй: место у очага, дверь, куда встать людям. Оттого и написал до двух — с запасом.

Галина заглянула на кухню, прочла объявление и взяла его за свободный угол.

— Сколько времени вы собираетесь пробовать?

— Я не знаю. Сначала подготовить надо.

— Подготовим сегодня вечером. А завтра сделаем короткий перерыв после первой обеденной волны. Объявим заранее.

— И если что-то не успеем?

— Значит, не начнём, пока не успеем. Для этого полдня зал держать пустым не нужно.

На кухню вернулась Арина с первым заказом. Тимофей поставил сковороду и спросил, на какое время она уже принимает завтрашнюю еду.

Выяснилось, что полдня ей не требовалось. Нужен был понятный промежуток, который она сможет назвать людям. Договорились приостановить работу с половины первого, подготовиться и в час попробовать открыть дверь. На это время новых посетителей не принимать.

Тимофей вычеркнул «до четырнадцати». Галина забрала лист, чтобы написать объявление начисто.

Пока готовился завтрак, он прошёл к подсобке. У стены стояли коробки, у входа пристроили пустой ящик. Тимофей поставил его на ребро, освободив место ногам. Сам проём был достаточно широким. С подносом тоже должен пройти.

За спиной послышались шаги. Посетитель заглянул в коридор, разыскивая санузел. Тимофей показал нужную дверь, потом прикрыл обычную служебную, ведущую из зала к кухне и подсобке. До сих пор она почти всё время стояла открытой, подпертая коробкой. Коробку он унёс в кладовую.

Арина принесла к раздаче чашки, забрала готовый завтрак и спросила, когда разбирать остальное. Тимофей предложил после закрытия, если она сможет задержаться. Галина из кабинета напомнила, что это время тоже запишет в смену.

На нижней полке нашлась большая кастрюля с пятнадцатилитровой отметкой. Тимофей ополоснул её и поставил сушиться отдельно от сегодняшней посуды. Свежую основу будет варить завтра.

***

К полудню Ли Мэй припарковалась у небольшого магазина в соседнем посёлке. Хозяин встретил её с ножницами в руке: на прилавке лежала новая клеёнка, которую он никак не мог отрезать ровно. Он отложил ножницы, освободил место между кассой и весами.

Ли Мэй расставила образцы чая. Хозяин понюхал открытые пакеты, выбрал чёрный, затем вернулся к зелёному. Пока она наливала пробу, он достал тетрадь и начал считать.

На первоначальной цене она настояла. Объём был маленький, доставка и так проходила по её маршруту. Хозяин вписал в лист заказа число пачек.

— Если пойдёт, будем брать больше, — сказал он. — Только мне бы здесь одному с ним работать.

Ли Мэй придержала пакет, который он уже потянул к себе.

— С этим чаем?

— С вашим. В посёлке и вокруг. Не будете же вы всем подряд возить, если мы начнём его продвигать.

— А сколько вы будете брать?

Он показал на записанное число.

— Это сейчас. А дальше посмотрим. Место хорошее, у нас люди заходят.

В магазин вошла женщина с сумкой на колёсиках. Хозяин быстро выдал ей хлеб и сдачу, придержал дверь, вернулся к чаю. Свою чашку поставил так, чтобы не задеть свежую клеёнку.

— Мне же тоже надо понимать, ради чего стараться, — продолжил он. — Поставлю на видное место, всем расскажу, а вы завтра через дорогу такой же привезёте.

Место под чай у него было хорошее: рядом с печеньем, у самого прилавка. Ниже теснились чужие яркие коробки.

— Эту поставку я вам продам. Если захотите, следующую тоже. А от остальных покупателей ради неё отказываться не буду.

— Вы не хотите постоянной работы?

— Хочу. Поэтому и спрашиваю, сколько вы готовы покупать постоянно.

Он перелистнул тетрадь, снова посмотрел на цену. Ли Мэй ждала, не убирая образцов.

— Ладно, начнём с этого, — сказал хозяин и обвёл число.

Обычный заказ закрыли быстро. Он взял шесть пачек, оплатил переводом, одну сразу открыл для покупателей. Ли Мэй отдала короткое описание заваривания и убрала образцы. Хозяин сам переставил печенье, освобождая обещанное место.

У машины она положила папку на сиденье и достала из коробки ещё один пакет зелёного чая. Вчера они с Тимофеем до него так и не дошли. Пакет отправился в сумку, отдельно от оставшегося товара.

В хозяйственном магазине через два дома продавали часы. На коробках красовались одинаковые нарисованные циферблаты; живые часы на стене над кассой показывали разное время. Ли Мэй попросила раскрыть одну коробку и выбрала белый циферблат с крупной красной секундной стрелкой. Тонкую чёрную она теряла из виду даже вблизи.

В гостинице сняла куртку, расстегнула сумку. Зелёный чай лежал поверх деловых бумаг. Для пробы хватило бы маленького пакетика, а она взяла целую пачку. Ли Мэй повертела её в руках и поставила рядом с часами на стол.

Ли Мэй вставила батарейку, установила время по телефону. Красная стрелка хорошо различалась с другого конца номера. Часы она оставила в коробке, отогнув крышку.

До вечера она успела отправить подтверждение поставки, ответить на два обычных запроса и поужинать в гостинице. Около девяти сменила испачканную чайной пробой блузку. В сумку сначала убрала часы, потом чай, проверила, на месте ли ключ, и спустилась к машине.

***

После девяти Тимофей снял фартук с шеи, оставил завязки на поясе и взял новый поднос. На плите доваривалась гречка на его поздний ужин; таймер он завёл ещё перед тем, как уйти в подсобку.

Утром проход казался удобнее. Пустой поднос легко вошёл в дверь, но дальше нужно было повернуть. Тимофей повернул корпус, отвёл локоть и упёрся краем подноса в полку. Если бы на нём стояла полная тарелка, суп уже плеснул бы на руку.

— Боком, — сказала Галина у него за спиной.

Он развернулся ещё немного.

— Стойте, — остановила Арина. — Так вы его наклоняете.

Тимофей вернул поднос горизонтально. Теперь не проходило плечо. Пришлось сдать назад, выйти в коридор и посмотреть на полку оттуда.

— Я же утром прошёл.

— Без подноса, — сказала Арина.

Она взяла его у Тимофея, попробовала сама. До поворота дошла легко, потом тоже остановилась. Оглянулась, но поднос поставить было некуда.

Галина унесла ящики в кладовую, Тимофей освободил край полки. Арина прошла с подносом, не поднимая локтей.

Арина обозначила малярной лентой свободную полосу к старой двери. Тимофей прошёл по ней с подносом и вернулся.

У заднего входа послышался стук. Ли Мэй стояла с коробкой в руках. Тимофей принял её, чтобы она могла закрыть дверь, и только на кухне увидел нарисованный циферблат.

— Секунды отсюда видно будет, — сказала Ли Мэй, достав часы. — Телефон всё время гаснет.

Она поставила их на свободный край стола, повернула к подсобке, потом достала чай.

— Этот мы вчера не попробовали.

Тимофей посмотрел на пачку. Через раздачу было видно пустой зал; Галина уже собирала бумаги, Арина убирала последние чашки.

— Сейчас попробуем. Пять минут есть.

Он достал заварочный чайник и две чашки. Ли Мэй расправила надорванный угол пакета, отсыпала чай. Тимофей подвинул ей стул, хотел сесть рядом, но Галина положила между ними список закупок.

Галина спросила о глубоких мисках и ещё одной переносной ёмкости. Арина принесла ручку, придвинула второй стул так, чтобы всем было видно список. Тимофею пришлось отодвинуть чашку на самый край.

Ли Мэй ответила про миски, уточнила размер ёмкости. Галина взяла новые часы и повесила на свободный крючок у входа в подсобку. Тимофей проверил: от плиты стрелку было видно.

Чай успел настояться. Тимофей разлил его в две чашки. Галина забрала список закупок.

Галина ушла в кабинет собираться. Ли Мэй подвинула к Тимофею чашку. На столе наконец осталось место для обеих чашек и раскрытого пакета.

Он сел на второй стул. Ли Мэй держала чай обеими руками, отогревая пальцы. Несколько секунд слышно было только воду в мойке, потом Арина закрыла кран и ушла.

— Как прошёл ваш день? — спросил Тимофей.

— Продала чай. Купила часы.

— Я ваш термопот за день раз двадцать проверил.

— Работает?

— Пока держится.

Ли Мэй рассмеялась, поставила чашку. Он сделал глоток: вкус был мягче вчерашнего, чуть терпкий на языке. За столом сидеть оказалось удобнее, чем утром пить стоя у раздачи.

— Вы уже ужинали? — спросил он.

Над плитой зазвенел таймер.

Тимофей выключил конфорку и снял крышку с гречки. Пар закрыл ему лицо. Он отставил кастрюлю и вернулся к столу.

— Уже, — сказала Ли Мэй. — В гостинице.

Она допила чай и потянулась за папкой. Тимофей посмотрел на часы у подсобки: красная стрелка хорошо различалась и отсюда.

— Чай оставлю, — сказала Ли Мэй. — Попробуете ещё, когда не надо будет вставать.

Из кабинета вышла Галина с ключами. Ли Мэй убрала бумаги, надела куртку и взяла пустую коробку от часов. У задней двери попрощалась с обоими; Тимофей придержал дверь, пока она спускалась по ступенькам к машине.

Он вернулся на кухню, положил гречку в тарелку. Зелёный чай ещё не остыл. Тимофей придвинул чашку к своему месту и сел ужинать.

Глава 6. Дверь на двадцать минут

К половине первого Тимофей процедил пятнадцать литров свежей бульонной основы и поставил рядом чистую пиалу. Два заказа навынос уже забрали. Галина проводила последнего посетителя, перевернула табличку на входе и прикрыла служебную дверь.

Тимофей снял крышку с большой кастрюли. Основа варилась с утра. В горячем паре пахло курицей, кореньями и луком.

Ли Мэй поставила возле плиты медную метку. Пластинка выглядела так же, как позавчера: тёмная, с потёртым ушком. Тимофей взял её на секунду, перевернул. Обычный металл, чуть прохладный после сумки.

Он вернул метку и достал с полки половник. Вчера, отмывая чашу, нашёл на её краю небольшую выщербину; теперь машинально повернул её к свету.

— Вы готовы попробовать? — спросил он Ли Мэй. — Именно для проверки.

— Да. Наливайте.

Тимофей зачерпнул немного основы. Тяжёлая чаша ушла в жидкость глубже, чем он рассчитывал; он убрал лишнее, наполнил пиалу и поставил перед ней. Ли Мэй подождала, пока перестанет обжигать пар, взяла ложку.

Галина стояла у края стола. Арина заглядывала с раздачи, не заходя в узкий проход между ними. Тимофей поймал себя на том, что держит половник над пустой тарелкой и ждёт оценки супа.

Ли Мэй попробовала основу, сделала ещё один маленький глоток.

В рукояти что-то дрогнуло.

Тимофей сильнее сжал пальцы. Металл не гнулся, не нагревался сильнее; дрожь шла изнутри, короткая, упругая. У плиты сухо щёлкнуло. Он повернул голову к старой чугунной части и увидел перед собой строчку.

«Половник Первого бульона. Связь с очагом установлена. Уровень 1. Доступен навык „Проба“».

Буквы не лежали на металле. Тимофей отодвинулся от плиты, а они остались на том же расстоянии от глаз. Моргнул. На месте.

— Что? — спросила Галина.

Он показал свободной рукой перед собой.

— Здесь написано.

Галина проследила за пальцем, посмотрела на Ли Мэй.

Тимофей прочёл вслух. Голос прозвучал громче, чем он хотел. Арина обошла раздачу, остановилась у него за плечом, но букв, судя по её лицу, тоже не увидела.

Ли Мэй назвала появившуюся запись Системой и попросила посмотреть доступные действия. Под первой строчкой проступило предложение собрать навар с приготовленной основы: тридцать единиц.

Он задержал взгляд на слове «собрать». Действие можно было принять, как можно разжать пальцы или повернуть кисть. Тимофей согласился, ещё не понимая, произнёс ли это вслух.

В чаше половника на миг потяжелела жидкость. Он удержал рукоять, подставил тарелку ближе, но ничего не пролилось. Строка рабочего запаса заполнилась: тридцать из тридцати. Сам запас ощущался возле кастрюли, в тёплом пространстве над очагом: стоило посмотреть туда, и число становилось отчётливым.

Тимофей взял чистую ложку, попробовал оставшуюся в половнике основу. Тот же вкус, та же лёгкая солоноватость. На губах осталось немного жира. Он провёл по ним тыльной стороной ладони, слил остаток в свободную чашку.

Ли Мэй улыбалась. Он вдруг заметил, как крепко она держалась за край стола.

— У вас получилось, — сказала она.

Тимофей хотел ответить, но в поле зрения снова проступило название навыка. «Проба». За исследование образца требовалась одна единица. Он уже потянулся к чашке, затем остановился. Сейчас ему нужна была дверь. С образцами можно разобраться после.

Слова пропадали, когда он переводил внимание на людей. Возвращались, если вспоминал о запасе или половнике.

Часы у входа в подсобку показывали двенадцать тридцать семь. Тимофей нашёл среди доступных действий соединение с Отсевом. Открыть его пока не предлагалось: другая сторона не отвечала.

Галина подвинула к нему стул. Он сел, не выпуская половника. На мойке сохла крышка, из зала тянуло сквозняком. Тимофей посмотрел на свою руку с металлической рукоятью, затем на Ли Мэй.

— Вы раньше такое видели?

— Открывшиеся двери — да. Как половник впервые связывается с кухней — нет.

Она взяла метку, провела пальцем по её краю и снова положила возле плиты. Потом допила свою основу. Тимофей поставил ей рядом салфетку.

Дожидаться пришлось дольше, чем ему хотелось. Он вытер стол и дважды переставил пустую пиалу, прежде чем убрал её на мойку.

У медной пластинки посветлела середина.

Ли Мэй подняла её, развернула к Тимофею. Под поверхностью держался ровный тёплый свет. Он провёл ладонью перед пластинкой: тень от руки легла сверху, а светлая середина не исчезла.

— Отвечают, — сказала Ли Мэй.

Теперь рядом с названием Отсева появилось доступное открытие. Четыре единицы сразу, затем по одной за минуту. Тимофей прочёл условия Галине. Та посмотрела на часы.

— Двадцать минут. В двадцать минут второго заканчиваем.

Тимофей согласился, выбрал это время. Число тридцать пока оставалось на месте. Действие ожидало его решения.

Арина вышла к раздаче, откуда были видны часы и коридор. Галина осталась у кухни. Ли Мэй понесла метку в подсобку, а Тимофей пошёл за ней, стараясь не задеть половником косяк.

***

В час красная стрелка поднялась к верхней отметке циферблата. Тимофей посмотрел на неё, затем на старую дверь.

Он принял открытие.

Рабочий запас уменьшился на четыре. За створкой, которую он оставил приоткрытой, пропала стена.

Тимофей сначала увидел ножку стола. Толстую, потёртую, с застрявшим у основания светлым камешком. Дальше стоял сам стол, по пояс взрослому человеку, весь в глубоких следах ножа. На нём лежала горка зеленоватых стеблей, прижатая широким тесаком.

Из проёма пахнуло жаром и печёным тестом.

Ли Мэй шагнула чуть в сторону. Тимофей взял створку за край, раскрыл шире. Чужая кухня никуда не делась. За столом виднелась закопчённая стена, у неё — большой котёл с тяжёлой крышкой. В полукруглой выемке над камнем стояла посуда, которой он прежде не видел: глубокие чаши с короткими толстыми носиками.

Он подался вперёд.

С той стороны кто-то переставил ношу с одного бедра на другое.

— Дверь-то придержите. Или я обратно понесу?

Перед Тимофеем стоял невысокий плотный мужчина в рабочем переднике. Шея красная от жара, на рукаве прилип кусочек зелени. Обеими руками он обхватил широкий плетёный короб. Через край короба свешивалось плотное полотнище.

Тимофей отступил, упёрся пяткой в полосу ленты и придержал дверь. Мужчина боком внёс короб, переставил руки и оглядел подсобку.

— Кузьма Полатин. Домовой кухни Отсева. Кто здесь за очаг отвечает?

— Я. Тимофей Крупин.

— Ну, знакомы будем. Принять-то есть куда?

Тимофей показал свободную полку у стены. Кузьма посмотрел, наклонился, снова выпрямился.

— Это вы для кого так низко сделали?

Он опустил короб на пол, расправил пальцы с красными полосами от ручек. Показал на стоявший в коридоре табурет; вдвоём переставили на него ношу.

— Здесь вчера всё занято было, — сказал Тимофей.

— А сегодня занять хотите меня. Чтоб я на коленях разбирал.

Он отогнул угол полотнища, проверил что-то внутри и повернулся к кухне. За его спиной дверь оставалась открытой в каменное помещение. Тёплый воздух касался Тимофея с одной стороны, сквозняк из зала — с другой.

— Вы как узнали, что мы открываем? — спросил он.

— Отклик пошёл. Давно с вашей стороны ничего не было. Я посмотрел, приготовил своё и ответил. Бульона у меня сегодня достаточно.

Кузьма глянул на метку в руке Ли Мэй, затем на половник.

— Вашу сторону вы держите?

Тимофей посмотрел на запас. После открытия число уже начало уменьшаться по времени.

— Держу. На двадцать минут.

— Свою я оплачиваю сам. До того и вернусь.

Галина подошла и назвалась. Кузьма пожал ей руку. Арине кивнул из коридора и первым делом заглянул на кухню.

Тимофей задержался у порога. На чужом столе тесак лежал почти у самого края. За котлом виднелся низкий проход; оттуда доносился скрип, похожий на звук тяжёлой тележки. Хотелось подойти, поднять крышку, посмотреть, как устроен жар под котлом.

Он переставил ногу ближе к двери и остановился.

— А обратно так же?

Кузьма обернулся.

— Пока открыто — так же. Потом нужно с обеих сторон снова договариваться. У меня тут тоже работа.

Тимофей снял руку с косяка. Половник тяжело лежал в другой ладони; рядом с кастрюлей на его кухне оставался запас, за которым он только научился следить.

— Сначала здесь разберусь, — сказал он и отошёл от порога.

Ли Мэй посмотрела на него. Отступила следом, освободив проход. Когда он поравнялся с ней, она чуть коснулась его локтя, пропуская вперёд.

Тимофей остановился у плиты. Кузьма уже рассматривал кастрюлю, не заглядывая в неё без спроса.

— Спасибо, что привезли, — сказал Тимофей Ли Мэй.

Она убрала метку на свободный край стола.

— Я рада, что получилось.

***

Кузьма втянул носом воздух, перевёл взгляд с кастрюли на чистую раздачу.

— Восемь обедов на завтра сделаете?

Тимофей ещё смотрел на открытую дверь. Вопрос пришлось повторить. Он повернулся к гостю, уложил половник на тарелку, чтобы не держать его всё время в руке.

— Кому обеды?

— Людям. Восемь человек со смены. Суп, горячее, хлеб. Поедят, скажут, что у вас получается.

— Вы сами готовите?

— А котёл вы там для украшения увидели?

Кузьма подтянул край передника, засунул руку в поясной карман.

— Чужого повара надо пробовать. Восемь порций, чтоб не с одной ложки судить. Устроит — ещё поговорим.

Галина достала блокнот. Тимофей уточнил, что едят эти люди и нет ли среди них тех, кому обычная курица или крупа не подходят. Кузьма ответил без долгих раздумий: своих едоков знал. Резкого и очень острого им не надо, особого действия от обеда тоже не требуется.

Тимофей предложил суп на куриной основе и тушёную курицу с картофелем. Кузьма спросил, можно ли хлеб положить отдельно, чтобы не размок по дороге, и согласился. Пока Галина записывала, он вернулся к коробу.

Тимофей помог откинуть край полотнища. Внутри стояли вложенные одна в другую миски и крышки, перехваченные широкой тесьмой. Кузьма достал верхнюю, протянул ему. Стенка толстая, ободок широкий; в ладонях миска держалась надёжно.

Под коробом мягко шуркнуло. Тимофей глянул вниз, но Кузьма уже вынул следующую миску и придерживал стопку. Пришлось принять её обеими руками. Что-то задело край нижней полки; свисавшее полотнище качнулось и закрыло просвет.

Миски оставили на свободном столе, полотнище сложили обратно в короб.

— За обед два серебряника, — сказал Кузьма. — Сразу заплачу.

Он развязал плоский кошель и выложил монеты. Не одинаковые: одна потемнее, у другой сбит край. Галина придвинула их к окну, подняла одну, повернула.

— Здесь их никто не принимает, — сказала она.

— У нас принимают. Еда хорошая будет — там заработаете ещё.

Галина положила монету рядом с остальными.

— Нам сначала продукты здесь купить надо.

— Ваших денег у меня нет, — сказал Кузьма. — Серебром плачу.

Тимофей взял монету. На ребре чувствовалась неровность, на пальцах остался запах металла. Ни курса, ни цены этой штуки он не знал. Восемь обедов приготовить мог.

— Шестнадцать, — сказал он, пересчитав. — За восемь обычных обедов. К двенадцати.

Кузьма подтвердил время. Завтрашнюю дверь предложил держать восемь минут: готовую еду перенесут, пустую тару вернут, долго стоять незачем. Свой расход он обеспечит на своей кухне. Тимофей согласился подготовиться к полудню; Галина записала рядом с заказом длительность окна.

Арина предупредила от раздачи, что осталось пять минут.

Тимофей повернул голову. Часы показывали четверть второго. Он хотел ещё спросить, где именно находится Отсев, что там считают хорошим хлебом и можно ли Ли Мэй привезти чай. Кузьма уже собирал кошель, пересчитывая оставшиеся у него монеты.

Галина убрала серебро отдельно от кассовых денег. Тимофей показал Кузьме мойку; тот присмотрелся к напору, вымыл руки и вытер предложенным полотенцем.

— У вас тут воду удобно сделали, — сказал он.

Тимофей посмотрел на часы. Восемнадцать минут второго.

Он провёл Кузьму к двери. Гость взялся за косяк, переступил на свою сторону и повернулся уже у каменного стола. Тимофей видел его целиком, обе руки, край передника. Через

секунду Кузьма переставил тесак подальше от края, словно закончил обычный разговор у соседней плиты.

— Завтра к двенадцати, — повторил он.

Тимофей кивнул. Ли Мэй стояла рядом, держа метку за ушко. Кузьма отошёл к проходу за котлом. Тимофей окликнул его, хотел ещё спросить, куда ведёт этот проход.

Красная стрелка завершила последний круг.

Каменная кухня исчезла. За раскрытой створкой снова была стена.

Тимофей приблизил к ней ладонь, не касаясь, потом упёрся пальцами. Твёрдая, чуть шероховатая. На часах стояло двадцать минут второго. Связь закрылась в назначенное время; в рабочем запасе осталось шесть единиц.

Он ещё постоял у двери. Потом прикрыл её и вернулся к Галине. В блокноте уже стояли восемь обедов, завтрашняя дата и время — двенадцать.

Тимофей взял ручку и приписал сбоку: «Хлеб отдельно».

Глава 7. Кот в накладной

Тимофей положил ручку возле блокнота и вернулся к плите. До конца перерыва оставалось несколько минут. Хотелось ещё раз открыть старую дверь, хотя он только что трогал стену за ней. Он подошёл к столу, приподнял салфетку над своей тарелкой.

Кусок курицы, который он отложил себе перед перерывом, исчез.

Тимофей посмотрел на раздачу. Арина протирала стойку, Галина убирала серебряники в отдельный конверт. Ли Мэй складывала посудную тесьму.

На полу лежало что-то светлое. Тимофей наклонился: кусочек мяса. Чуть дальше, на пустой картонной коробке, остались широкие влажные следы лап. Крышка коробки прогнулась посередине.

Он обошёл стол. Из-под нижней перекладины торчал полосатый хвост, толстый, с тёмным концом. Тимофей опустился на корточки, заглянул под столешницу. На него смотрел кот. Здоровенный, серо-бурый, с белёсым подбородком. Под передней лапой лежала украденная курица.

— А ну вылезай.

Кот подтянул мясо ближе к животу.

Тимофей протянул руку, но кот отодвинулся за ножку. Пришлось обойти стол, просунуть обе руки, подхватить его под грудь. Задняя половина зверя оказалась значительно тяжелее, чем ожидалось.

— Под живот держи, — сказал кот.

Тимофей послушно подставил вторую руку. Выпрямился. Посмотрел на серую морду возле своего локтя.

— Ты сейчас сказал?

— Я ещё под столом говорил. Там не слушают.

Тимофей чуть разжал пальцы, и кот сразу потёк вниз. Пришлось прижать его к себе. Под ладонью ходили рёбра, задняя лапа нащупывала опору на его предплечье. Тимофей перехватил зверя удобнее, поджал локоть. Кот перестал извиваться, словно именно такого обращения и ждал.

Галина подошла с тряпкой в руке, остановилась. Арина выглянула из-за стойки.

Кот повернул голову к плите, втянул носом воздух.

— Поставь. Так есть неудобно.

Тимофей опустил его на пол. Кот встряхнулся, обернулся к столу, но путь к украденному мясу Тимофей загородил ногой.

— Ты откуда здесь взялся?

— Прибыл на законном основании. Рагу. Миска есть?

— У нас кафе, — сказала Галина.

— Я заметил.

Она посмотрела на Тимофея, затем на кусочек курицы на полу.

— Ещё один едок за чей счёт?

Рагу сел. Хвост лёг вокруг передних лап. Кот поднял подбородок и подождал, пока Галина возьмёт с полки блюдце. Потом посмотрел на него, на неё, снова на блюдце.

— Ты меня целиком видишь?

Галина задержала блюдце в воздухе.

Тимофей забрал его, поставил обратно и достал небольшую миску. Отрезал немного приготовленной курицы, отделил от костей. Рагу поднялся на задние лапы, упёрся передними в край его фартука. Ткань потянуло вниз.

— Подожди. Ты уже один кусок стащил.

— Его отняли.

Тимофей посмотрел на Ли Мэй. Она стояла у короба Кузьмы, держа сложенное полотнище; один угол всё ещё свисал до пола.

Он поставил миску на пол. Кот сразу сунул туда морду. Тимофей забрал с пола украденный кусок, вымыл руки и убрал противень подальше от края.

Арина показала ему часы. За входной дверью уже ждали; Галина пошла перевернуть табличку. Тимофей взял обычный половник и вернулся к раздаче. За спиной негромко звякнула кошачья миска.

***

Ли Мэй развернула полотнище на пустом столе. Между складками застряла серая шерсть. В глубине короба сохранилась широкая вмятина, а одна из плетёных стенок была выгнута наружу. Она нажала ладонью: прутья со скрипом подались обратно.

Рагу закончил есть и пришёл посмотреть. Протиснулся между её туфлей и ножкой стола, потянул носом край ткани.

— Вы ехали здесь? — спросила Ли Мэй.

— Угу.

— Кузьма знал?

— Он меня не приглашал. Я сам лёг.

Ли Мэй приподняла прокладку. Под ней нашлись обломок прута и серая шерсть. Кот втиснулся между перевязанными мисками и стенкой, сдвинул две крышки. Тесьма осталась затянутой.

— Вас не продавали вместе с мисками?

Рагу поднял на неё глаза.

— Меня вообще не продавали. Тебя продали с чаем?

— Значит, Кузьме за кота мы ничего не должны, — сказала Ли Мэй Галине.

— А кот нам?

Рагу пошёл к плите, не дожидаясь ответа. Ли Мэй прикрыла служебную дверь, чтобы разговор не было слышно из зала, и переставила короб к сухой стене. Рагу пока оставался в закрытой части кухни.

У старого очага он остановился. Поднял голову, долго поводил носом. Передняя лапа легла на край чугунной части; кот тут же убрал её и уселся рядом.

— Здесь знакомо пахнет.

Ли Мэй подошла ближе. От раздачи доносились голоса, Тимофей переставлял тарелки. Рагу смотрел на обшитый участок возле трубы.

— Вы бывали на этой кухне?

— Там место было. За трубой. Теперь закрыли.

Он повернул ухо к шуму из зала, затем снова уставился на обшивку. Прошёл вдоль неё, надавил лапой на нижний край. Тот не поддался. Рагу сунул морду в угол, отступил и с недовольным сопением сел на хвост. Ли Мэй присела посмотреть, что он нашёл, но увидела только шляпки нового крепежа.

— Очаг тот же, — добавил он и почесал щёку задней лапой.

Ли Мэй провела пальцем по краю новой отделки. Узкой щели, в которую мог бы влезть такой кот, не осталось. Рагу поднялся, обошёл её и выбрал сухой угол у стены, подальше от сквозняка.

Галина вернулась с двумя использованными чашками. Посмотрела на кота, на оставшуюся возле прохода миску.

— На ночь он куда?

Тимофей на секунду отошёл от раздачи.

— Я никакого кота не принимал.

Он перенёс миску к тёплой стене, подальше от горячей трубы.

— Здесь пока посидит, чтоб под ноги не лез.

Рагу последовал за миской, понюхал пол и лёг боком. Тимофей вернулся к заказам.

Ли Мэй всё ещё держала ткань за углы. Опустила руки, потом аккуратно сложила полотнище шерстью внутрь, чтобы вытрясти снаружи. Галина забрала пустую миску.

— Он ещё добавки попросит, — сказала она.

Ухо Рагу повернулось к ней. Глаза остались закрытыми.

Ли Мэй вынесла ткань к задней двери. На солнце отдельные шерстинки блеснули серебром; она встряхнула полотнище ещё раз. Тимофей вышел с пакетом мусора и придержал дверь локтем. Она поднялась на ступеньку, проходя мимо него, и улыбнулась. Чистую ткань вернула в короб.

***

К половине девятого Тимофей освободил край рабочего стола. Арина принесла три блюдца с одинаково белыми порошками. Он сам попросил взять муку и картофельный крахмал, на одном блюдце смешать, а порядок ему не говорить. Под каждым она положила сложенный листок.

Рагу приподнял голову из своего угла. Смотрел, пока Тимофей доставал половник, потом снова улёгся.

Перед глазами проступил рабочий запас: шесть из тридцати. Уровень оставался первым. Единственным освоенным навыком была «Проба».

Тимофей поднёс половник к первому блюдцу и выбрал действие. Из запаса ушла единица. Появилась короткая запись о знакомом пищевом следе пшеницы.

Он задержал взгляд на белой горке. Вспомнились мука на ладонях, тесто, тёплый срез хлеба. Узнавание было отчётливым, но про свежесть, помол или то, кто высыпал порошок, запись ничего не сообщала.

Арина развернула первый листок. Мука.

Со второго блюдца он получил знакомый след картофеля. Во рту не появилось вкуса; он даже специально провёл языком по нёбу. Порошок оставался на блюдце. Запас уменьшился до четырёх. На бумажке под ним значился крахмал.

На третью пробу ушла ещё единица. Здесь распознавались оба следа. Тимофей подвинул блюдце ближе к свету, попытался понять, сколько крахмала подмешано к муке. В записи количества не было.

— Поровну? — спросил он.

— Нет, — сказала Арина. — Муки больше.

Она показала последний листок. Тимофей вернул блюдце на место. Примесь он нашёл, долю пока не определил. Три оставшиеся единицы решил сберечь до утра.

Арина убрала блюдца. В зале закончились заказы; Галина сводила кассу. Завтрашняя выдача оставалась на двенадцать.

Тимофей заглянул в холодильную комнату. Там осталась небольшая ёмкость утренней основы, уже охлаждённой после обеденной выдачи. Он перелил часть в маленькую кастрюлю и поставил нагреваться. Если вернуть ей хороший жар, может быть, появится ещё немного навара.

Основа закипела. Он убавил огонь, взял половник и снова посмотрел на доступный сбор.

«Основа учтена. Доступный сбор: 0».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.